

УДК 355.257.72:94(571.1)

Н. М. Маркдорф

К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПОСЛЕВОЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В рамках статьи рассмотрены проблемы восприятия иностранными военнопленными послевоенной социалистической действительности. Автор приходит к выводу, что воспитание военнопленных происходило с большим трудом и постоянно наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а зачастую на открытую конфронтацию. Определенных успехов в политико-воспитательной деятельности политотделы достигли к только концу 1948 г., когда большинство западносибирских лагерей смогли в основном справиться с тяжелой экономической ситуацией, осуществить комплекс мер по решению важнейших вопросов жизнеобеспечения подневольного контингента, отладить социально-производственные механизмы.

Ключевые слова: военнопленные, толерантность, образ врага, послевоенное общество, СССР, НКВД-МВД СССР, лагеря для военнопленных.

N. M. Markdorf

ABOUT TOLERANCE OF FOREIGN WAR PRISONERS IN POST-WAR SOCIETY

This article discusses the problems of perception of foreign prisoners of war of the post-war socialist reality. The author concludes that the prisoners of war education in the socialist system took place with great difficulty and constantly ran into confusion, covert resistance, and often in open confrontation. Some success in the political education of political departments was achieved only by the end of 1948, when the most of the West Siberian camps were able mainly to cope with difficult economic situation, implement complex of measures to address the important issues of life support of involuntary contingent social and tune-up the mechanisms of social production.

Key words: prisoners of war, tolerance, the image of the enemy, post-war society, the USSR, NKVD – the Internal Affairs Ministry of the USSR, prison camps.

Проблема толерантности в условиях советского военного плена в рамках данной статьи может быть рассмотрена, на наш взгляд, с двух позиций. Во-первых – проблема восприятия военнопленных различными категориями сибирского населения как нового социокультурного элемента военного и особенно послевоенного общества. Во-вторых – оценка немецкими военнопленными через призму притяжения или неприятия новой этнической, инокультурной среды. В зависимости от политической и экономической ситуации восприятие военнопленных гражданским населением было неоднородным. До Второй мировой войны немецкая история и культура пользовались у советских людей традиционным уважением, а немецкий язык преподавался в средней школе в качестве основного иностранного языка, велось радиовещание, издавались газеты и журналы для рабочих-интернационалистов, работающих в угольной промышленности.

В годы войны отношение к немцам (не только на бывших оккупированных территориях, но и в глубоком тылу) во многом конструировалось на основе личной неприязни и было обусловлено осознанием глобальной национальной трагедии всего советского народа. Усиленно работала советская

пропагандистская машина, справедливо рисуемая образ национального врага-немца и призывающая внести свой вклад в дело победы над фашистскими захватчиками. Ненависть к вчерашним завоевателям мира проявлялась в форме физической, вербальной либо косвенной агрессии в лагерной зоне, на производстве, на улицах городов и поселков как со стороны граждан сибирской глубинки (особенно городских детей и подростков), так и со стороны эвакуированного населения западных районов страны, в том числе блокадников Ленинграда и раненных фронтовиков. У советских людей был прочно выработан обобщенный стереотип немца-врага и только после ее окончания средства массовой информации стали подчеркивать необходимость отделять понятия «немецкий народ», который, так же как и советский, пострадал от фашизма, и «нацизм». Соответственно вина за развязывание войны и преступления фашизма возлагались отныне не на нацию в целом, не на немецкий народ, а на финансово-промышленные круги фашистской Германии, содействующие приходу Гитлера к власти.

В условиях мирного времени ситуация коренным образом изменилась. В послевоенном обществе двойная мораль порождала

в народном сознании слияние образов врага «своего» и «чужого», что не только приводило к отождествлению с фашизмом других подневольных контингентов – интернированных немцев, детей репрессированных немцев-спецпоселенцев, немцев-трудармейцев, но и способствовало формированию негативизма в отношении к советским немцам, к немецкому языку, культуре, да и Германии в целом. В послевоенное время военнопленные стали довольно привычным явлением в Сибири. Складывались новые своеобразные производственные и личностные отношения, которые вскоре во многом поменяли укоренившиеся военные стереотипы. Вместе с местными жителями военнопленные работали на заводах и фабриках, в шахтах, на строительстве промышленных и гражданских объектов, на лесоповалах, в сельском хозяйстве, занимались озеленением, улиц городов и поселков. Воспоминания большинства очевидцев событий свидетельствуют, что военнопленных жалели, «подкармливали», делили с вчерашними врагами свой скудный кусок хлеба, помогали выхаживать больных. Когда это было необходимо, русские рабочие вставали на защиту слабых и беззащитных, нуждающихся в помощи так называемых «врагов». Жалость и сострадание вызывал внешний облик вчерашнего противника. Расконвоирование части военнопленных, их свободное передвижение по городам и селам приводило к массовому попрошайничеству. Нередко военнопленные с протянутой рукой просили милостыню на улицах городов.

Вновь сформированный в сибирских лагерях контингент военнопленных испытывал серьезный «шок поступления», обостривший до крайности восприятие окружающей сибирской действительности. Враждебным и непонятым казалось все – от советской политической и экономической систем до сибирской природы и русских людей.

Сильнейший психоэмоциональный стресс, вызванный искусственно поддерживаемым нацистами страхом перед советским пленом, способствовал душевной депрессии, мог проявляться в виде неадекватного поведения (или неадекватных реакций), истерического и маниакально-депрессивного психозов, разного рода шизофренических заболеваний. Уровень адаптированности, как и проявление конфронтации в новой этносоциальной среде, характер межличностных, внутрилагерных, производственных взаимоотношений и конфликтов, напрямую зависели от партийной принадлежности, социального происхождения, от стойкости духа, физического и нравственного здоровья, степени идеологической, религиозной и национальной толерантности.

В годы войны задачи идеологического «просвещения» военнопленных вытекали из указаний И. В. Сталина о пробуждении классового самосознания у солдат, одурманенных нацистской пропагандой, о воспитании их в антифашистском духе для создания революционных рабоче-крестьянских кадров – основы демократического движения в Европе, готовых с оружием в руках к борьбе с германским фашизмом [1, с. 365–368]. Однако первый опыт антифашистской работы в лагерях показал всю сложность идеологического перевоспитания бывших солдат и особенно офицеров вермахта, в сознании которых прочно укоренились классовые предрассудки, стереотипы нацизма и расизма. Во-первых, для подавляющего большинства немцев военное поражение Германии рассматривалось как крушение и катастрофа. Оказывал воздействие созданный национал-социалистической пропагандой образ «врага-русского». Страх перед Советской армией и советским пленом был чрезвычайно велик [2, с. 261]. Во-вторых, пропагандистский тезис о пробуждении в «обманутых немцах» классовой пролетарской солидарности во многом дезориентировал политап-

параты лагерей, ограничивал формы, методы и тематику политико-воспитательных мероприятий. В-третьих, в числе преимущественных направлений было изучение сущности советского социалистического строя, основ марксизма-ленинизма, истории классовой борьбы (на территории Германии, Румынии, Венгрии и т. п.), вопросов международной политики. Идеологизированность, демагогия и декларативность скорее отталкивали, нежели привлекали военнопленных в ряды антифашистского движения. В этой связи характерны мнения пленных немцев, зафиксированные оперативниками в мае 1945 г.: «Было бы глупо превращать коммунистов в национал-социалистов, так почему же из нас насильно хотят сделать антифашистов. Почему из нас хотят сделать борцов за коммунизм...» [8, л. 64]. «Даже если Германия войну проиграет, пока жив хоть один немецкий солдат, то он будет бороться против русских и видеть в каждом из них своего врага. Доверия к «кашистам» нет...» [9, л. 16–17].

Администрация промышленных предприятий стремилась максимально использовать подневольный контингент. В результате вопросы организации политико-воспитательной работы уходили на второй план. В 1946 г. комиссии ГУПВИ НКВД – МВД СССР выявили низкий уровень политического воспитания, морального состояния контингента, многочисленные факты диверсий и саботажа на производстве. Как результат, наряду с рекомендациями по активизации разъяснительной, культурной, агитационной и пропагандистской антифашистской деятельности были усилены карательно-репрессивные меры и ужесточены наказания [6, л. 211].

После окончания войны в новых политических условиях потребовалась перестройка всей воспитательной работы среди пленных на основе директив Политотдела ГУПВИ МВД СССР. «Просвещение» контингента

западносибирских лагерей в соответствии с политическими целями осуществлялось через периодические массовые издания для иностранных военнопленных. Большинство советских политработников не знали иностранных языков, на протяжении всего периода своего существования лагеря в Западной Сибири испытывали острый дефицит переводчиков, поэтому газеты концентрировали свое внимание на публикации материалов, призванных способствовать становлению массовой политической работы. При разноплановости целевых установок в подготовке антифашистских кадров, при отсутствии единой тематики, неразработанности учебных программ все материалы периодики являлись существенным подспорьем для пропагандистов и агитаторов [7, л. 1–2].

В контексте послевоенной идеологии в советских средствах массовой информации часто пропагандировался тезис о необходимости отделять немецкий народ от «правлящей верхушки» Германии, виновной в развязывании войны. В тоже время газета «Нахрихтен» в статьях и публикуемых письмах из тыловых лагерей неоднократно поднимала проблему «вины немцев» [2, с. 264–265] и этим вызывала постоянную критику со стороны Политотдела ГУПВИ МВД СССР. Газета объясняла свою позицию борьбой с буржуазным высокомерием и национализмом, имевшим место в лагерях и выразившимся в пренебрежении к подвигу в войне советского человека. Например, в 1946 г. «Нахрихтен» поместила подборку писем, отразивших немецкое националистическое превосходство: «Если бы не мы, немцы-военнопленные, честно трудившиеся в СССР, если бы не мы, сыновья немецкого народа, с нашими талантами и трудолюбием, то никогда советский народ не смог бы ликвидировать последствия войны и оккупации. В очень большой степени советские люди обязаны всеми успехами нам» [3, с. 566]. Подводя итоги дискуссии, обобщая поступившие материалы из различных

регионов страны и подчеркивая роль СССР как спасителя Европы от фашизма, «Нахрихтен» в противовес официальной идеологической парадигме настаивала на своей позиции: преступления нацизма обусловлены виновностью всего немецкого народа, допустившего их совершение [9, л. 211]. В Германии после окончания войны ряд публицистов также поднимали проблему вины немцев: и тех, кто преднамеренно совершал преступления, и тех, кто способствовал и допустил их. Эту точку зрения высказал, например, Ганс Фидлер (Альфред Деблин) в брошюре «Уроки Нюрнбергского процесса», изданной в 1946 г. [2, с. 264–265].

Борьба на идеологическом фронте в лагерях носила острый характер на протяжении всего периода деятельности лагерей. Чем активнее действовали «школы коммунизма» (антифашистские активы), тем серьезнее становилось сопротивление из деятельности. Степень конфронтации и соответственно частота внутрилагерных конфликтов зависели от классового фанатизма, религиозных убеждений, довоенного социального (классового) статуса немцев и японцев. Оперативные отделы фиксировали многочисленные факты «политического брожения», наличие в лагерях Западной Сибири профашистского подполья, противостоящего демократическому движению [4, л. 143]. Зачастую в ответ на профашистскую агитацию, призывы к убийствам и избиению антифашистов демократические активы от методов убеждения и агитации также переходили к радикальным действиям. Например, в феврале 1947 г. в лаготделении № 1 лагеря № 128 после концерта были жестоко избиты и командир батальона, и руководитель антифашистского клуба [5, л. 145–146]. В лагере № 511 реакцией на роспуск командиром батальона демократического совета солдат стало избиение трех немецких офицеров. Открытые столкновения идеологических противников были пре-

кращены только после активного вмешательства оперативных и политических отделов [5, л. 19; 194–196]. Однако скрытое сопротивление антифашистской деятельности продолжалось до начала 1949 г.

Таким образом, эволюция идеологических парадигм в контексте меняющейся международной обстановки и экономической ситуации в стране и регионе определяла пропагандистские и агитационные методы и формы работы. С целью улучшения антифашистской деятельности политотделы использовали различные методы как разъяснительного, так и силового характера. До конца 1948 г. политико-воспитательная работа среди военнопленных была поставлена слабо по причинам: отторжения военнопленными идеологии социализма, основанной на принципах двойной морали; укоренившихся в сознании нацистских, классовых стереотипов; невосприимчивости агитационно-пропагандистских мероприятий; высокого уровня заболеваемости и смертности и, как следствие, медленного процесса психологической, социальной, языковой, трудовой адаптации. Воспитание «новых сторонников» социалистического строя происходило с большим трудом и постоянно наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а зачастую на открытую конфронтацию и националистические настроения контингента лагерей. Наиболее высокая степень сопротивления антифашистской деятельности наблюдалась в 1945–1948 гг. Определенных успехов в политико-воспитательной деятельности политотделы достигли к только концу 1948 г., когда большинство западносибирских лагерей смогли в основном справиться с тяжелой экономической ситуацией, осуществить комплекс мер по решению важнейших вопросов жизнеобеспечения подневольного контингента, отладить социально-производственные механизмы.

Литература

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – С. 365–368.
2. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция / под ред. Рейнгарда Рюрупа. – Берлин, 1994. – С. 261, 264–265.
3. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. – М.: Логос, 2000. – Т. 4. – С. 566.
4. Информационный центр Главного управления внутренних дел Алтайского края (далее – ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 143.
5. ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 19; 194–196; 145–146.
6. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 7. Д. 1. Л. 211.
7. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 9. Л. 1–2.
8. РГВА. Ф. 4п. Оп. 11. Д. 7. Л. 64.
9. РГВА. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 6. Л. 8; 16–17; 211.